

Сборник

Вольное казачество

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С23

С23 **Сборник**
Вольное казачество / Сборник – М.: Книга по Требованию, 2021. – 104 с.

ISBN 978-5-8850-2424-2

Иллюстрированный литературный и политический журнал, №№ 125, 126, 132, 133

ISBN 978-5-8850-2424-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

М. Махно. (Панчево).

* * * Р. П. Е.

Перед тобой лежит широкий новый путь.
Прими же мой привет сердечный!
Да будет, как была, твоя согрета грудь
Любовью к правде бесконечной.
Да не утратишь ты в борьбе со злом упорным
Всего, чем ныне так душа твоя полна.

Под'яв чело, иди бестрепетной стопой,
Борись, храня в душе своей казачий идеал,
За счастье страждущих и Край Родной.
И ободряй всех тех, в борьбе кто духом пал.
И если в старости, в раздутье час печальный,
Ты скажешь: „В мире я оставил добрый след
И встретить я могу момент прощальный“ —
Ты будешь счастлив, друг. Иного счастья нет!

И. М. Назаров. (Югославия).

Четыре могилы.

(Окончание).

Так шла жизнь день за днем... Прошло две недели со дня выхода из родимого Титова. И вот настал грозный день 2-го февраля. Вечером (накануне) Беленцов обходил отряд, выбирая людей для его „безумного“ ночного набега в тыл большевиков с целью разведки. Пришел и в отряд Ренскова.

— Кто идет на верную смерть со мной? — бросил он, как выпалил, в лицо казакам и улыбается, а глаза чуть прищурены, как у тигра. Вышло 10 титовцев и все три Ренскова. Он внимательно осмотрел их. Долго глядит в самую глубь глаз и опять улыбается. — Мне нужно двух, только двух не хватает, отрывисто говорит он. — Вот ты и ты, указывает потом на старшего Ренскова и казака Ерохина.

— Я поеду за него, сказал вдруг, бледнея, старик Ренсков, указывая командиру на сына.

— Мне нужны молодые, сильные, красивые, сказал Беленцов строго.

— Я сильнее его, Ваше Высокоблагородие, это сын мой, отрезал Ренсков смело, чуть дерзко.

— Нету у нас тут, — вспыхнул командир и голос его зазвенел злобно, — нет у нас тут ни сыновей, ни братьев — никого... Есть большевики и мы, и это война, а не маневры, понял?

— Я понял, но я как отец, ответил дерзко Ренсков и глаза его стали злобыми. Так у старого матерого волка горят глаза осенней ночью.

— Ты не молод и не красив, злобно сказал командир. — Я не признаю разговоров. Понял?

— Так точно! — громко ответил старик, не скрывая охватившей его смертельной тревоги.

Быстро повернулся командир и пошел, уходя быстро, будто чувствуя преследование уже шедшей по его стопам тени смерти.

— А все же я пойду, а не он, сказал старик решительно.

— Что Вы, батенька, сказал Михаил, став перед отцом и глядя в упор на него смелыми пылающими глазами. — Что Вы стыдите меня! Я не мальчик! На то идем... Чего ж тут разговаривать.

И это не убедило отца, но он сдался.

Отряд в 36 всадников, отборных людей на лучших лошадях, под командой самого Беленцова, ровно в 12 часов ночи, выступил в безумный набег. Куда шли — никто не знал, да и нельзя было знать, ибо ночь была непроглядно темной. Ветер бил в лицо, ледяной дождь заливал глаза. Снежная грязь под ногами лошадей сбивалась в комья и они спотыкались. На каждом шагу была опасность сорваться в обрыв, ибо ехали, как чувствовалось по ходу коней, без дороги.

Командир ехал впереди, имея ординарцем Михаила Ренскова. Шли долго то шагом, то бежали рысью. Наткнулись на большевицкий пост. Командир и Михаил бросились на „них“ первыми. Командир зарубил одного. Михаил справился с двумя другими, действуя только шашкой... Последний сдался. Тревоги не было — все было сделано тихо. Двинулись дальше — наткнулись на заставу: „их“ было восемнадцать. Партизаны бросились на заставу и изрубили двенадцать, но они стреляли и это не прошло даром. Кроме двух убитых, отряд имел впереди поднятую стычкой тревогу. Командир скрылся с казаками в какую то балку. Два эскадрона красных маячили на бугру, но казаков не видели.

Наутро перед самым рассветом, еще в густой темноте, вышли и лицом к лицу в упор столкнулись с их эскадром. Беленцов бросился в атаку так, как будто война была маневренной. Ренсков рядом с ним и казаки в две шеренги. Большевики не успели развернуться и были смяты. Их первые взводы бросились назад, когда другие два вылетели на фланги. При столкновении получилась кровавая каша. Михаил Ренсков на своем дивном коне врезался чуть не в середину их, и его шашка сверкала, как молния. Он был впереди Беленцова и тот окликал его: „Ренсков, не зарывайся!“

Весь эскадрон бежал. Партизаны горячо преследовали их, без труда сваливая отстававших пиками. Атака была совсем на исходе, как вдруг, из-за кустарника, скрывавшего отрог какой то балки, вылетела сотня красных казаков со звездами в развернутом строе. Три офицера впереди в линию, как на ученьи. Первая шеренга с пиками наперевес. Идут наметом стройно, как встарь...

Будь драгуны, уланы, сам чорт — партизаны наверное бросились бы вновь. Во всяком случае не потерялись. Но при виде своих, своих коней, своего оружия, своего строя с атакой во фланг, сотня против взвода, тут надо было быть Беленцовым, чтобы подыскать выход.

— Ко мне! — крикнул он, как бешеный, злобно, чтоб собрать раз'езд в руку. И чуть собрались, он первый бросился на большевицкую сотню. Ренсков опять обогнал его, и они первыми врубались в них и прорвали шеренги. Но тут, какой то большевик из-за строя, налетел на Беленцова и конем его сбил ударом сбоку. На него набросилось несколько пеших и его схватили. Ренсков на карьере повернул кони и бросился, чтобы защитить командира. Он был уже близок к нему, как вдруг, раненый конь Михаила взвился на дыбы и упал навзничь. Михаил выпрыгнул из под него и стал бить из револьвера с невероятной отвагой. Но на него бросились трое. Дула трех револьверов у его груди за-сверкали вспышками и Ренсков упал мертвым.

Так погиб первый из трех урядников — один из храбрейших партизан во всех отрядах, заветчел своей молодой кровью беззаветную преданность казачьему долгу.

Тут же под хутором Жученковым большевики погребли его и тут легла из славной семьи Ренсковых их первая могила.

Только двое партизан спаслись из безумного набега и они принесли черную весть о захвате Беленцова и о славной гибели Михаила Ренскова.

Узнал и старик Ренсков. Будто громом ударила страшная весть в казачье сердце и возроптал на Бога старый казак, и не выдержал, и заплакал. Целый день лежал в окопе вниз лицом без движения, как мертвый, и только к ночи поднялся. Сыну о брате сказал, но матери сказать не находил силы. Но узнала и мать, и плакала, как плачут все матери от сотворения мира. Но плакала без ропота на Бога. Напротив, молилась ему, в горячей молитве убивая скорбь, а потому, быть может, ее женское сердце и выдержало борьбу со смертельной тоской о погибшем.

Но жизнь не останавливается. Вечный бег ее дней не знает преграды. Новочеркасск пал. Отряд „двух

урядников" ушел в степной поход с Поповым. Впереди его ехал на железном коне старик командир, сын в рядах его всадников, а сзади, в линейке, убитая горем мать командирши. Ее бледное лицо скрыло еще одну неутешную печаль в своих строгих линиях, а глаза стали еще более печальны.

По степям без дорог по придавленным тающим снегом ковылю и бурьянам, шел отряд — полк за полком — в неизвестную будущность, и было тяжело отгадать, какими и когда вернутся, да и вернутся ли эти, обреченные на безумную борьбу за жизнь и смерть, степные всадники.

Вышли на шлях, прошли Гремучий под Великокняжеской, вступили в бой. Конный отряд полковника Серебрякова, в отряде которого был отряд „двух урядников“, шел в первой линии. Развернулись, повели атаку лавой. На левом фланге, в подкрылке, был старик Ренсков со своим отрядом. Неприятельская артиллерия как никогда, удачно била по цепи лавы. Еще на рыси, с двухверстной дистанции шрапнельным огнем с низким разрывом, стала вырывать первые жертвы. Пал с коня и не встал, и не двинулся, из подкрылка Ренскова, казак Самохин, срезанный, как ножом, стаканом шрапнели. Пал казак Шерстнев, знаменитый разведчик, как днем, водивший раз'езды ночью.

Перешли в намет, стали видимо пожирать расстояние, вырывающие повод из рук, степные кони. Стали нацеливаться на удар, взятые к бою пики. Огонь их орудий стал редеть: видимо стали дрожать дьявольские руки большевицких наводчиков, их разрывы летят далеко через головы. Уж близки их окопы и нет заграждений. Намет переходит в широкий намет. Казаки приближаются грозной тучей лавы. Как вдруг на левом фланге, как из земли, вырастает конная батарея. Огонь во фланг, при эффекте неожиданности, вырывает блискую победу маневра и грозит обратить его в поражение. Как с неба, падает на бешеном коне, казак ординарец от Попова с приказом броситься на батарею подцепку Ренскова и взводу с левого фланга.

На полном карьере старик меняет фронт, летя на буром впереди, весь грозный, как степная буря. Близко от него его сын Сергей. Зорким оком молодого сокола он следит за орлом и, в случае чего, не дай Бог, он постоит за него всей своей удалью до конца, всей своей дерзкою неудержимой волей.

Огонь усилился, жерла орудий задыхаются от жажды смерти, но пришел высок и жертв не много. Вот уже близок удар, но чья то дьявольская воля у „них“ борется и с этим страшным моментом, чья то команда грозит несокрушимой силой...

Перешли на картечь „окаинные“. Стали падать в пыль и дым, сраженные всадники. Скачут с пустыми седлами бешеные кони. Но момент пережит. Огненная пасть пожирающего расстояния закрылась. Доскокавшие врывающиеся в батарейные интервалы.

Батарея взята. Часть прислуги при орудиях сдается, но около двух из них смертельный бой с какими то дьяволами в матросской форме. Их пять, как один... С широкими лбами и зверскими лицами. Один из них с парабелумом в одной руке и наганом в другой, „ссадил“ двух казаков из трех выстрелов; другой бьется в рукопашную с тремя казаками.

Загорелось, как огнем, безумной злобой сердце старика Ренскова; бросился, как орел, с поднятой шапкой. Прямо перед ним осадил бурого на скаку и с размаха рассек надвое голову матроса, и повернулся в седле, и повернул коня, чтоб броситься на другого. Как вдруг, прямо перед ним в матросской руке сверкнуло дуло револьвера. Прямо в грудь уперлись дьявольские глаза с безумной усмешкой. Как молния сверкнул без звука выстрел и старик почувствовал, как что то холодное вливается в сердце и начал падать с коня медленно, как снап, но не упал — сын был тут. С загоревшимся сердцем, он бросился на матроса, перенесшего дуло к нему, и, несмотря на несколько выстрелов почти в упор, смял его конем и убил из нагана выстрелом в голову...

С раненой в ключицу рукой, перенес Сергей отца на своего коня и сам, тремя выстрелами раненый, вывел его из линии боя.

Тяжело был ранен в грудь старик Ренсков. Два дня и две бесконечных ночи отстаивала его бедная мать, всей силой преданности вырывая от смерти, но рана была смертельна и старик умер.

Как плакала о нем несчастная женщина и раненый сын, я рассказать не в силах. Нет слов, нет красок — и мне мешают слезы. Нет молитв таких, нет таких песен, какими передается верно такая печаль, такой ужас терзаний, такая святая мука.

И зарыли старика под Великокняжеской и поставили крест на юг — к Тихому Дону. Тут легла их вторая могила, запечатлев второй кровавой печатью священный долг, исполненный до конца. Но жизнь шла вперед, а за ней, не отставая, шла по пятам война.

Отряд „без урядников“ шел в колонах Попова, а за ним, на линейке с титовскими конями, ехала мать с раненым сыном. Она не отходила от него ни на шаг, а ночью, когда он спал, она у изголовья его молилась.

Раны заживали. Сын стал поправляться. Стал сидеть и ходить, как ребенок. Надежда зажглась в потухших глазах несчастной женщины. Но остановки на ночлегах, ночлеги в домах с тифозными не прошли даром: он заразился и заболел тифом. Все бредил боями, стрелял в матроса и привозил ей отца из боя. То весь озарялся в лице, какой то высокой радостью, шопотом говорил о победе, о вольности былой и о своем государстве. Нес в бреду какое то знамя и передовал „ему“, какому то Камерлану.

— Кто это Камерлан? — спрашивала мать, когда больной приходил в сознание. Сын улыбался.

— Не Камерлан, маменька, а Тамерлан. Вождь наездников, завоеватель. Был такой у монгол, будет и у нас — я в это верю.

Но не дождался вождя наездников молодой наездник. Медленно он сгорел, как восковая свеча от неугасимого пламени, зажженного страшной болезнью, и угас, и сгорел на ночлеге в Романовской. Тут взяла его третья могила, как третью жертву все того же страшного казачьего долга.

Мать плакала последними, еще оставшимися в сердце, слезами... Порой казалось, что настала пора роптать на Бога, но она пересиливала себя и опять томилась. Просила Бога не забыть о ней и, действительно, ждала не долго. Медленно от трех смертельных ран вралось ее сердце. И к тому дню побед, когда Попов вернулся из Степного похода, бедное сердце матери перестало биться.

Не доезжая трех верст до родного хутора, она умерла без ропота, молясь за усопших. Тут легла четвертая могила. Четвертый раз истинное исполнение казачьего долга было подтверждено четвертой могилой.

Так богатый род Ренсковых расбросал на все четыре стороны Придонской степи свои могилы и... не защитил волю. Но, жертвы богатырей не пропадают даром. Дух этих жертв живет в преданиях. Он горит, как неугасимый факел, и ведет других к жертвам.

Не пропали и жертвы Ренсковых. И поймут казаки наконец, навсегда поймут, что долг, исполненный до конца, непобедимая сила. Через страдания, через гнет неволи и тяжесть изгнания, поймут, что и бунт Ренсковых, лежавший в основании их кровавого долга, не умер с ними. Освященный их могилами, он возродился в чужой земле и ждет свой срок.

Закаленные в неволе, в каторжном труде и каторжной жизни, казаки сознали, что лучше умереть в бою, чем мучиться без воли. Их строй поэтому не дрогнет перед врагом и душа их открыта и в рост пойдет на встречу грядущему.

И озарится день, когда все казаки безотступно, с смертельной твердостью подойдут к своему долгу, чтоб исполнить его до конца. Тогда разгорится бой кровавый и страшный. Лягут опять на все четыре стороны по Придонской степи меж седыми курганами казачьи могилы без счета. Но это будут последние жертвы. За ними вспыхнет заря побед и настоящей жизни на родной земле и настоящей казачьей воли. И в своем государстве будут жить казаки, царя над бескрайней степью, где, очищенный в смертных боях народ, будет и впредь так же гордо и до смерти охранять свое место под солнцем.

Павел Поляков. (Белград).

ПЕСНЯ В ПАМЯТЬ Б. А. КУНДРЮЦКОВА.

Что ни день — то все реже ряды,
 Что ни день — убавляется сил
 И все чаще и чаще кресты
 Одиноких казачьих могил.
 Умерли... умерли... умерли...
 Не вернуть... не вернуть... не вернуть...
 Мы ведь тоже не мало прошли
 И короче оставшийся путь.
 Знаю — счастье мое не придет,
 Я не верю, что я доживу,
 Но я знаю — Казачий Народ
 Атаману вручит булаву.
 Я не плачу — я песни пою
 Об ушедших... о павших бойцах...
 О свободе в родимом краю,
 О свободу любивших певцах.
 И казачество песню споем
 Тем, кто воле отдаться умел,
 Кто, любя свой страдалец народ,
 От любви загоряся — сгорел!

Только те... только те хороши,
 Кто Идее Свободы служил
 И кто песню-молитву души —
 Лишь одним казакам посвятил...
 Только те, кто о страхе не знал,
 Кто о благе не думал своим,
 Кто Казачеству сердце отдал —
 Лишь о них мы, живые, поем...
 И сегодня, смывая ряды,
 Не замедлим размашистый шаг —
 По степям вырастают цветы,
 Крепнет вера в казачьих сердцах.
 Казаки! Казаки! Казаки!
 Нет! Огонь — не слабей! Не угас!
 Наша будущность — в наших руках,
 Наша Воля — зависит от нас!
 Мы зовем... мы зовем... мы зовем
 Всех, кто верен... не трус... не продал...
 Жить для славы родимых степей,
 Умереть за Степной Идеал.

14-III-33.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

Во время этих событий на Кубани, большевики постепенно наступали на Казачьи Земли с севера, отрезая Дон от Украины, и с юга по линии железной дороги Баку-Ростов. На Северном Кавказе они постепенно захватывали города, расположенные по линии Владикавказской железной дороги. В пределах Кубани они захватили Невинномысскую, Гулькевичи, Кавказскую и Тихорецкую. Сюда продвинулась 39 солдатская дивизия, послужившая впоследствии опорой организации большевистских военных сил на Кубани. Так большевики со всех сторон охватывали Казачьи Земли, настойчиво проникая в самую середину казачьих территорий.

Мы уже отмечали выше, что Кубанское Правительство привлекало к организации военной защиты Кубани лучших военных специалистов. При Кубанском Правительстве был организован Кубанский Комитет пропаганды (во главе с членом Рады П. Л. Макаренко), который рассылал по станицам Кубани информаторов и пропагандистов, издавал специальную газету „Голос Трудового Народа“, в начале декабря устроил в Екатеринодаре недельные курсы для представителей всех воинских частей, находившихся в пределах Края (на эти курсы были вызваны по два представителя от каждой сотни), посылал по станицам Кубани бандуристов, которые, воспевая былую славу Запорожья и Казачества вообще, призывали казаков к защите родного Края...

Кроме того на Украину в конце ноября был послан член Рады И. А. Билый для установления плана совместных действий Украины и Юго-Восточного Союза. В результате этой поездки на Кубань прибыла в декабре месяце делегация Правительства Украины. В это же время Кубанская Рада, по просьбе Терцев, послала специальную делегацию на Терек для ликвидации начавшейся вооруженной борьбы между горцами и терскими казаками. Из имевшегося в распоряжении Кубанского Правительства небольшого запаса огнестрельных припасов была послана помощь Дону (из

1500 трехдюймовых снарядов на Дон послано 700, а из 3.700.000 ружейных патронов послано — 1.800.000).

Как мы уже говорили, в начале вооруженной борьбы с большевиками Кубанское Правительство хотело опереться на уже существующие кубанские войсковые части, расположенные в пределах Края или прибывающие с фронтов Мировой войны. Однако, надежды, возлагавшиеся Кубанской Радой и Правительством на Кубанские войска, не оправдались. Кубанские войсковые части колебались. Большевицкая агитация проникала всюду, общая болезнь коснулась и кубанских частей. Должны быть, для полной объективности характеристики событий и причин неудачи начавшейся борьбы за освобождение Кубани, отмечены и такие случаи, как явное выступление казаков на стороне большевиков. Так было в декабре месяце 1917 года.

Сохранявший дисциплину и исполнявший распоряжения выборной кубанской власти Черноморский конный полк был послан Кубанским Правительством на станцию Тихорецкую для поддержания там порядка и для разоружения большевистствующих воинских частей, следуемых с Кавказского фронта. Эти воинские части, идя домой, посылались и „для борьбы с казачьей контрреволюцией“. Удержание станции Тихорецкой, расположенной на территории Кубани и являющейся весьма важным железнодорожным узлом на всем Северном Кавказе, в руках Кубанской власти являлось жизненно необходимым. Отсюда большевистские части угрожали самой столице Кубани — Екатеринодару, отсюда они шли в тыл Дону, ведущему борьбу на севере, востоке (Царицынское направление) и северо-западе с наступающими московскими большевистскими войсками; через Тихорецкую — Царицын большевики с Кавказа связывались с Москвою и Петроградом. Занятие станции Тихорецкой большевиками отрезало Кубань от Дона. Для всякого рядового казака должно было быть абсолютно ясным, что удержание этой станции в руках кубанской власти имеет громадное значение.

Черноморский полк, находившийся под командой весьма храброго и распорядительного полковника Бабиева, без особого труда выполнил задание. На станции был установлен должный порядок, проходившие в Россию воинские части без задержки пропускались далее после сдачи оружия. Отобрание оружия было не только желанием Кубанского Правительства обезвредить тысячи войск, идущие с фронта домой, но и в ответом на распоряжение большевизкого петроградского правительства об обезоружении всех казачьих эшелонов, идущих с западного фронта в родные Края.

Однако, на станцию Тихорецкую явились сотни 22-го кубанского казачьего батальона, стоявшего в соседней станции Архангельской, и потребовали от черноморцев немедленного удаления со станции Тихорецкой. Создалось угрожающее положение, когда на этой важной железнодорожной станции, внутри Кубани, одна кубанская воинская часть стала с оружием в руках против другой кубанской воинской части, исполнявшей распоряжение Кубанского Правительства. Черноморский полк, не желая начинать кровопролитие со своими же братьями казаками, немедленно прислал в Екатеринодар (Тихорецкая находится в 127 верстах от Екатеринодара по железной дороге) делегацию на Войсковую Раду. Рада издала самые строгие приказы всем кубанским войскам о защите Края от надвигавшейся анархии, Рада ввела смертную казнь, как высшую меру наказания, Рада избрала верховный суд для разбора случаев неповиновения краевой власти или отказа от его защиты. Однако, все эти меры не подняли дисциплины и боеспособности в кубанских частях. Положение на станции Тихорецкой стало настолько угрожающим для Черноморского полка, что он принужден был уйти оттуда. Тихорецкую скоро заняли части 39 большевизкой дивизии и стали угрожать самому Екатеринодару.

Так сами кубанские казаки содействовали появлению вооруженных большевизких сил на одной из важнейших железнодорожных станций на Кубани.

Подробное изучение наступления большевизких русских войск на Дон в конце 1917 и начале 1918 года приводит к неопровержимому выводу, что только благодаря переходу на сторону большевиков донских казачьих полков: Атаманского, лейб-казачьего, 44, 28, 29, частей 10, 27, 23, 8 и 43 полков, 14 отдельной сотни, и батарей: 3, 28, 12 и 13, 2-го пешего батальона и Каменской местной команды, только благодаря организации самими казаками Военно-Революционного Комитета и его действиям против выборного Донского Атамана Каледина и Донского Правительства, большевики смогли захватить Дон в январе — феврале месяца 1918 года. Отряд героя Дона, полковника Чернецова, у станции Каменской был разбит казаками и сам Чернецов был убит казаками же и т. д. Большевики в своих описаниях тогдашней борьбы сами признают, что им удалось „казачью контр-революцию на Дону задуть казачьими руками“.

Также является весьма поучительной история с возвращением из Финляндии на Кубань 5-ой Кубанской казачьей дивизии. Командующий большевизкими войсками Антонов пишет, что эта дивизия получила разрешение продвигаться на Кубань только после того, как „в ней были выбраны желательные для нас (большевики) командиры и признан комиссаром тов. Мирошниченко“ (кубанский офицер):

„После того, как 5-я Кубанская казачья дивизия выполнила предъявленные ей требования, я разрешил ей двинуться на Кубань через Царицын, дабы прочистить дорогу нашим войскам и поддержать советскую власть на Кубани. Это движение организовывалось, однако, крайне медленно“, пишет Антонов (Антонов-Овсеенко: Записки о гражданской войне, т. I, стр. 35 и 45).

При каких условиях и с какими действительными намерениями выехала эта дивизия на Кубань, Кубанскому Правительству не было известно. Только у комиссара ее, куб. оф. Мирошниченко, было отобрано в Екатеринодаре письменное распоряжение Ленина о том, что 5-ая дивизия посылается на Кубань с целью ликвидации Кубанской Рады, Атамана и Правительства и

установления советской власти. Этот документ был опубликован в газете „Куб. Край“ в феврале 1918 г.

Этот факт ни в коем случае, конечно, не может являться пятном для целой дивизии. Дивизия никакого переворота на Кубани не производила, но и не захотела стать на защиту своего Края от наступающих со всех сторон большевизких войск. А между тем в то время одной кубанской дивизии было абсолютно достаточно для ликвидации вооруженных большевизких банд, скопившихся по железным дорогам Кубани.

Когда мы говорим о той или иной воинской кубанской части, то делаем это в данном случае не для того, чтобы подчеркнуть ее доблесть или отсутствие сознания долга перед Кубанью, а только для того, чтобы на конкретных примерах характеризовать общее настроение, охватившее буквально все кубанские воинские части в первый период борьбы на Кубани (1917 и начало 1918 г.).

Выше мы сказали уже о результатах усилий кубанских генералов, привлеченных Кубанским Правительством к организации вооруженной защиты Кубани, теперь мы на нескольких примерах покажем настроение рядового казачества, собранного в казачьих воинских частях. Далее мы отметим и другие серьезные попытки, делавшиеся Кубанским Правительством для организации защиты Кубани.

Уже в ноябре 1917 г. было ясно, что больших надежд на существующие воинские кубанские части возлагать нельзя. Поэтому одновременно с назначением генерала Черного на пост Командующего кубанскими войсками, Кубанское Правительство поручило доблестному кубанскому полковнику, С. Улагая, формирование партизанского отряда, долженствовавшего собрать кубанских добровольцев, желавших стать на защиту Кубани. Однако, полковник Улагай „не оказался хорошим организатором“, как пишет бывший Куб. Атаман Филимонов, „и, провозившись около месяца с этим делом, заявил мне, что он в него не верит... К мнению полк. Улагая присоединился и командующий Куб. армией генерал Черный“ (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова: Кубанцы). Зато успешно шла организация партизан войсковым старшиною Голаевым, собравшим в своем отряде около 300-400 человек, главным образом офицеров. Этот отряд вместе с казаками гвардейского дивизиона, мобилизованными казаками станции Пашковской, Черкесским полком и юнкерами Кубанского Софийского в. училища, разбил большевиков под Энемом 22-24 января и спас Екатеринодар от захвата его большевиками, наступавшими со стороны Новороссийска.

В январе 1918 г. бывший представитель Кубанского казачьего Войска в Государственной Думе Кондрат Лукчи Бардиж выступил перед Кубанским Краевым Правительством с проектом организации на Кубани вольно-казачьего движения с целью защиты Кубани от наступающих со всех сторон большевизких войск. Имелось в виду кликнуть вольно-казачий клич по станциям Кубани, напомнить казакам былую их славу и войны за свою свободу и всем до одного подняться на защиту Кубанской Республики. Кубанское Правительство весьма сочувственно отнеслось к этому начинанию, выдало К. Л. Бардижу соответствующие полномочия и достаточные средства (1 мил. рублей) на организацию этого дела. К. Бардиж собрал около себя преданных делу защиты Кубани офицеров (среди них был весьма храбрый и распорядительный полковник Демянник — член Куб. Рады) и немедленно приступил к делу. Скоро он организовал отряды в станицах, расположенных по линии Черноморско-Кубанской жел. дороги и не допустил распространения большевизких войск по территории бывшего Войска Черноморского. Видя это, большевики в Новороссийске, в Крымской и в Темрюке стали собирать войска для противодействия движению, организованному Бардижем. Они послали из Новороссийска делегатов в Батум и Трапезунт для набора войск с целью борьбы с „кубанской контр-революцией“. Благодаря тому, что Черное море в то время уже было в распоряжении большевизкого черноморского флота, делегатам удалось привезти в Ново-

российск более 10-ти тысяч солдат с достаточным вооружением. Однако, солдаты по прибытии в Новороссийск далеко не все согласились выступить против Кубани и начала эшелонами пробиваться по железной дороге к Екатеринодару и далее через Тихорецкую в Россию. Несмотря на это, большевикам удалось собрать у станции Крымской отряд силою около 12 тысяч человек (А. Рондо: К истории борьбы с контр-революцией на Северном Кавказе. Журнал: „Путь Коммунизма“, кн. III, стр. 18. Краснодар, 1922). Эти войска были направлены из Крымской на станцию Троицкую и далее на Славянскую и Полтавскую.

Среди большевических войск выдающуюся роль сыграли прибывшие с Кавказского фронта Варнавинский полк и 1-й мортирный дивизион.

Хотя, в конце концов, восставшие казаки Таманского отдела и потеряли поражение под ст. Славянской, но все же им удалось в течение нескольких недель приковывать к себе большие силы большевиков, стремившихся из ст. Крымской наступать на Черноморию по линии Черноморско-Кубанской железной дороги.

Часть отдела Баталпашинского и отделы Лабийский (Армавир) и Майкопский были заняты большевиками в первой половине января 1918 года. В январе месяце Куб. Правительство послало было в эти отделы группу офицеров для организации там воинских частей. Вскоре стало известно, что эти офицеры не смогли выполнить возложенной на них задачи, так как не смогли пробраться в эти отделы.

Захват большевиками Лабийского и Майкопского отделов и всей восточной части Кавказского отдела со станциями Тихорецкой и Кавказской, а также успешные действия кубанских отрядов, защищавших Екатеринодар со стороны Кавказской и Тихорецкой, а также успешные действия отрядов Бардижа в Черномории поставили перед кубанской властью вопрос об организации народного казачьего движения на еще свободной от большевиков территории Кубани — на землях бывшего Войска Черноморского. Было решено созвать в станице Брюховецкой, географическом центре Черномории, Черноморскую Раду на 15-ое февраля, а в Ейском отделе — Отдельский с'езд на 11 февраля. Этот с'езд действительно состоялся 11—13 февраля в станице Уманской в составе представителей казачьего и инородного населения. С'езд прошел с большим подъемом.

15-го февраля открылись заседания Черноморской Рады, на которую прибыли делегаты более чем 60-ти станиц. Охватившее всех чувство любви к родному Краю вылилось в постановление об организации немедленной обороны. Был составлен подробный план мобилизации станиц, назначены места сбора ударных групп войск для немедленного очищения от большевиков линий железной дороги Екатеринодар-Тихорецкая-Ростов, Тихорецкая-Кавказская-Армавир, Славянская-Крымская-Новороссийск. В самой Брюховецкой были уже мобилизованы казаки и каждую минуту готовы были выступить по указанному направлению. Как вдруг, перед самым концом работ Черноморской Рады, в ночь на 17-ое февраля было получено ошеломляющее и неожиданное известие о том, что на полпути между Тихорецкой и Екатеринодаром, у станции Выселки, большевики разгромили кубанский отряд, защищавший это направление, и спешно наступают к Екатеринодару. Это сообщение вызвало немедленное прекращение работ Рады.

Тут мы должны остановиться на двух обстоятельствах, ускоривших захват большевиками власти на Кубани. Первое — это роль рядового казачества в этой тяжелой борьбе, второе — роль первого избранника Кубани, Кубанского Войскового Атамана Филимонова.

Выше мы уже характеризовали настроения рядового казачества. Как бы там ни было, а К. Л. Бардижу удалось поднять Черноморию для борьбы с надвигающимся большевизмом; однако, не все казаки брались тогда за оружие. Нашлись и такие, которые не только не поддержали своих братьев, поднявшихся на борьбу с большевизмом, а сами помогали большевикам.

Советская Россия бросила свои войска на Украину в двух основных направлениях: 1. через Харь-

ков в Донецкий Бассейн и далее против Ростова и Новочеркаска и 2. против Киева. 25 января, после 10-ти дневной бомбардировки Киева из тяжелых орудий, войска полковника Муравьева захватили столицу Украины. После этого они все свое внимание направили в сторону Дона. В это время 39 дивизия занимала линии железной дороги — Тихорецкая-Армавир и Тихорецкая-Торговая. В начале февраля командующий большевическими войсками, Антонов, передал этой дивизии распоряжение наступать по железной дороге с юга на Батайск-Ростов, жалаая этим достигнуть окружения этого громадного промышленного и торгового центра Казачьих Земель.

Еще в декабре месяце 1917 года Донской Атаман Каледин просил у Кубани помощи людьми для отражения большевических войск, наступавших с севера и северо-запада. В виду вышеописанного состояния кубанских строевых частей, Кубанское Правительство не могло послать на Дон просимую вооруженную силу и принуждено было ограничиться посылкой оружия.

В конце января, когда К. Л. Бардиж организовал казаков Черномории, у него, естественно, явилась мысль немедленно оказать помощь Дону. Поэтому он решил направить часть своих войск через Староминскую (узловая жел.-дор. станция Черн.-Куб. ж. д.) и Кушевскую (узл. станция Владикавказ. ж. д.) на Ростов и ударить в тыл большевическим войскам, скопившимся у Батайска. Эта операция готовилась втайне. Один отряд войск Бардижа был продвинут на станцию Староминскую. Командовал им полковник Демяник. В станице Староминской находились штабы кубанской батареи и казачьих батальонов, прибывших с фронта. Часть казаков этих частей разошлась по станицам, а другая находилась в станице Староминской. Узнав о том, что на станцию Староминскую прибыли войска Бардижа, казаки расположенных в Староминской воинских частей через свою делегацию пред'явили начальнику отряда, полковнику Демянику, категорическое требование о немедленном удалении отряда со станции Староминской, грозя, в случае неисполнения этого требования, расстрелять отряд из имеющихся в Староминской орудий. Все разъяснения со стороны начальника и казаков отряда не привели ни к чему. Представители казачьих частей, расположенных в Староминской, возвратились в станицу, грозя немедленно открыть орудийный огонь по станции. Вследствие этой угрозы отряд Бардижа отошел из Староминской в Новоминскую вместо того, чтобы продвинуться и занять Кушевку и перерезать железную дорогу Тихорецкая-Ростов.

В ночь на 11 февр. на станцию Староминскую прибыл сам Бардиж с войсками. 11-го же февраля станцию Староминскую посетили члены Куб. Рады: Ф. А. Щербина, Султан-Шахим-Гирей, П. Макаренко и др. и выступили на многотысячном митинге. Это выступление едва не окончилось убийством прибывших членов Рады; фронтовые казаки перерезали телефонные и телеграфные провода, соединявшие станцию Староминскую с Уманской и станцией и привели орудия в боевую готовность, с намерением открыть огонь по отряду Бардижа.

Так сами казаки сорвали задуманную Бардижем операцию.

Необходимо подчеркнуть, что ст. Староминская имела тогда около 24 т. только казачьего населения и и легко могла выставить сильный отряд для защиты Кубани. Как оказалось, еще перед этим, 9-го февраля, она поспешила признать советскую власть. Рядовые казаки на митинге требовали от членов Рады немедленного увода со станции отряда Бардижа, заявляя, что большевики ничего злого для них не сделали и что, если надо будет, староминцы сами себя защитят от большевиков, если последние будут притеснять как-либо казаков.

Само рядовое казачество в значительной мере виновато в том, что в самом начале большевического наступления на выступило для защиты своего Края. За свою ошибку оно дорого заплатило потом и своими головами и своим имуществом.

Казачьи войсковые части были до крайности утомлены 3-х летней тяжелой войной; 1914—1917 г. г. их

беспрерывно перебрасывали с фронта на фронт, спасая положение в наиболее угрожаемых участках; с марта до октября-декабря 1917 г. эти казаки части видели полный развал многомиллионной русской армии; потом, пробиваясь в течение многих недель с фронта в родные Края, казаки части слышали со всех сторон, что власть в их родных Краях захватили помещики и капиталисты, и не только слышали, а читали об этом в газетах и специальных прокламациях, в распоряжениях и призывах русского большевицкого правительства... Окруженные со всех сторон разлагающей пропагандой со стороны русской революционной демократии, не встречая ни на фронте, ни по пути своего следования широко и серьезно поставленной контр-пропаганды, организованной правительствами Казачьих Земель; видя, как миллионная солдатская масса верит большевикам, видя всюду ненависть к себе, казаки падали духом...

Да и за что и против кого воевать? Ведь большевицкое правительство обещает немедленное прекращение давно проигранной внешней войны, обещает всем трудящимся свободу, равенство, братство и материальное благополучие, а рядом с тем, ничего не собираясь отбирать у трудового казака, больше того, в своих обращениях специально к казакам оно объявило:

„1. Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.

2. Принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.

3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смогры, лагеря.

4. Установить полную свободу передвижения казаков“ и т. д.

... По новому советскому закону, земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-труженников, казачьей бедноты... (из обращения советской власти к казакам 12 декабря 1917 года).

За что же казак должен воевать, если все это ему дает новая русская власть? Она снимает с казака все тяготы, да еще и передает ему землю, при царях забранную у него казачьими помещиками!

А кто эти новые правители казачьих земель? Они известны только в сравнительно небольших районах их передвоенной деятельности. Всему казачеству они не известны. Почему теперь казак должен так сразу броситься с оружием в руках против „братьев солдат, которые также „измучены долгой войной“, которые также „хотят мира и спокойствия“. Сначала рядовые казаки вообще не верили в то, чтобы „братья солдаты“ пошли против казаков с оружием в руках.

Кроме того, из большевицких заявлений казаки знали, что в Казачьих Землях убежали контр-революционные генералы — Корнилов, Алексеев, Деникин и многие другие. Об их контр-революционности казаки читали не только в газетах и прокламациях, но русское Временное Правительство еще в сентябре объявило об этом по всей России в своих приказах и подвергло их аресту в Выхове. Теперь эти генералы нашли приют на Дону под покровительством Атамана Каледина, да еще набирают здесь армию добровольцев...

И смущалась душа казак...

К тому же казацкие правители в своей деятельности допустили крупные, больше того, роковые ошибки. Таковой безусловной ошибкой на Дону было: организация блока казаков с кадетской партией при выборах в Учредительное Собрание и разрешение русским генералам набирать войска на донской территории. Эту ошибку допустили казацкие верхи... Если „верхи казачьи“ могли вступать в блок с русскими кадетами, то почему рядовое казачество не может блокироваться с русскими солдатами?.. И если подробно изучить и объективно оценить всю историю с организацией казаками Дона Военно-Революционного Комитета, если хорошенько присмотреться к деятельности казачьих воинских частей, поддерживавших этот Комитет, там можно найти не только элементы заблуждений одних и предательства других, но и желание казаков разорвать союз Дона с

пришлыми русскими элементами — добровольческой армией и кадетской партией. Свой известный ультиматум Военному Правительству, переданный 10-го января, этот Комитет заканчивает пожеланием устройства на Дону „постоянной трудовой власти всего населения“.

Рядовое казачество сделало большую ошибку, пойдя на соглашение с русской советской властью через Донской Военно-Революционный Комитет. Не меньшую ошибку допустили и выборные руководители казачества, организовав на Дону в декабре-январе триумвират генералов Каледина-Корнилова-Алексеева — это, как говорит Деникин, „в скрытом виде первое обще-русское против-большевицкое правительство“ (Деникин: Очерки Русской Смуты, т. II, стр. 189).

Тогда же при Добровольческой армии был организован Совет с целью

„Организации хозяйственной части Армии, сношения с иностранными и возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью, в подготовке аппарата управления по мере продвижения вперед Добровольческой Армии“.

В Совет вошли: от Дона М. П. Богаевский, П. М. Агеев, Н. Е. Парамонов, С. П. Мазуренко и русские люди: П. Н. Милюков, М. М. Федоров, П. Б. Струве, князь Г. Н. Трубецкий, Б. В. Савинков, Белецкий, Ведзягольский (Донская Летопись, т. II, стр. 162—163). Таким образом, донские верхи уже тогда согласились формально уступить руководство вооруженной борьбой с большевиками Добровольческой армии, борющейся за единую, неделимую Россию, а донские фронтовики подчинили Дон русской советской власти.

Были допущены весьма серьезные ошибки и на Кубани. Первая из них — это поспешный созыв в апреле мес. 1917 г. Съезда, собранного без необходимой предварительной подготовки. Съезд этот, избрав Кубанский Областной Исполнительный Комитет, передал власть над Кубанью в руки случайного и искусственного русского большинства членом этого Комитета во главе с русским единомышленником, соц.-дем. Турутиным. Позже, в начале июля месяца того же года, казаки принуждены были исправлять революционным путем допущенную весной ошибку, перебирая в свои руки управление Краем путем выхода казаков из Областного Исполнительного Комитета и Областного Совета. Это обстоятельство дало возможность русским людям, собранным в бывших Комитете и Совете, повести агитацию против казаков, как против нарушителей соглашения, будто бы достигнутого весной на Областном Съезде.

Следующей крупной ошибкой, допущенной уже Кубанской Войсковой Радой в октябре месце 1917 года было избрание полковника Филимонова на пост Кубанского Войскового Атамана. Эта ошибка может быть объяснена тем, чрезвычайно важным, обстоятельством, на которое мы указывали выше: предыдущая история Кубани не создала вождей, испытанных в политической работе и известных всей Кубани, таких вождей, которым бы верила Кубань.

Выше мы уже характеризовали обстановку и условия, при которых происходили эти выборы. Здесь только добавим, что сам Филимонов и его сторонники очень играли на демократизме этого кандидата в Атаманы, особенно подчеркивая то обстоятельство, что при царе он защищал на суде известную революционерку Спиридонову...

Остановимся теперь на характеристике его действительной роли в первый период борьбы за самостоятельность Кубани.

Приступив к организации своих вооруженных сил на Дону, русские генералы прилагали большие усилия к тому, чтобы Казачьи Земли вообще сделать базой создания единой и неделимой России, а Казачество сделать послушным материалом в своих руках для свержения большевицкой власти в России и установления верховенства русского народа над всеми народами, покоренными Россией в предыдущий период ее истории. Поэтому эти генералы (и вообще русские люди) стремились взять в свои руки вооруженные казачьи силы, а деятельность казачьих правительств поставить под свой контроль. Как мы видели, это им удалось на Дону.

Русское верховное руководство нашло свое оформление в организации Триумвирата генералов Алексеева, Корнилова и Каледина и в организации Совета при Добровольческой армии.

Генерал Алексеев дважды приезжал в Екатеринодар в конце 1917 г. с целью добиться от Кубанского Правительства разрешения на формирование на Кубани добровольческих отрядов, подчиненных генеральскому центру на Дону. Кубанское Правительство не дало генералу Алексееву просимого разрешения, а само приступило, как мы видели, к организации отрядов партизан и волевого казачества. Кроме того, товарищ председателя Юго-Восточного Правительства И. Л. Макаренко получил от Кубанского Правительства средства на организацию армии этого Союза; были выданы также средства и предоставлены помещения для организации отряда из украинцев („Сич“). За это дело взялась группа кубанских офицеров во главе с есаулом Удовика.

Когда Кубанское Правительство отказало генералу Алексееву в разрешении организации добровольцев на Кубани, русский политический и военный центр на Дону нелегально послал на Кубань целый ряд тайных вербовщиков, которые, как стало известно много позже, согласно тайного соглашения между Кубанским Атаманом Филимоновым и генералом Алексеевым, приступили к работе на Кубани. Для общего руководства работой этих вербовщиков и для непосредственной и постоянной связи с Атаманом Филимоновым на Кубань был прислан из Новочеркасска генерал Эрдели. Относительно роли его на Кубани генерал Деникин говорит следующее:

„Еще с января месяца (1918 г.) в Екатеринодаре жил генерал Эрдели в качестве представителя Добровольческой Армии. В числе поручений, данных ему, было подготовить почву для включения Кубанского отряда в состав Добровольческой Армии“ (Деникин: Очерки Р. Смуты, т. II, стр. 269).

Среди появившихся на Кубани вербовщиков был и капитан Покровский. Он очень скоро приблизился к семье Атамана Филимонова и стал во дворце желательным и постоянным посетителем. Этому прищельцу, совершенно неизвестному на Кубани человеку, Атаман Филимонов выдал 100 тысяч рублей на организацию добровольцев. Обстоятельства сложились так, что в первом же бою на Кубани, под Энемом у Екатеринодара, был убит в январе 1918 года организатор кубанских партизан, доблестный войсковой старшина Голаев. Только теперь, уже за границей, внимательно изучая по доступным для нас материалам все перипетии тогдашней войны, мы устанавливаем, почему после смерти Голаева Атаман Филимонов назначил чужого для Кубани человека, капитана Покровского, начальником кубанских войск, действовавших против большевиков, наступавших из Новороссийска, почему после боя под Григорие-Афипской Атаман Филимонов произвел Покровского сразу в полковники. Всеми этими мерами „подготовлялась почва для включения Кубанского отряда в Добр. Армию“, как пишет Деникин. Уже за границей сам Филимонов описывает свои взаимоотношения с Покровским. При чтении этих повествований становится стыдно за бывшего Кубанского Атамана и щемящая боль охватывает душу читателя-кубанца. До чего унижал славную Кубань этот первый ее избранник! (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова: „Кубанцы“). Выдвигаемый по соглашению с Добрармией капитан Покровский сам хорошо понимал свою роль на Кубани.

Филимонов пишет, что Покровский в одном из разговоров с ним настаивал на немедленном смещении генерала Гулыги с поста командующего Кубанской Армией. И Филимонов слушается и отстраняет генерала Гулыгу и 14 февраля назначил Покровского на его место, хотя сам Филимонов находил, что Покровский „неопытный, очень молодой, сомнительных военных знаний стратег“ (там же). Тот же Филимонов сообщает, что против назначения летчика Покровского на пост командующего кубанскими войсками решительно стоял

член Кубанского Правительства по военным делам, полковник Успенский. Не смотря на это, Филимонов настолько слепо исполнял задания, полученные от генерала Алексеева, что не остановился обойти всех кубанских офицеров, среди которых было много людей, теоретически и практически подготовленных и безусловно доблестных и распорядительных командиров частей, не остановился устранить генерала Гулыгу, пренебрег мнением военного министра и угрозой последнего, в случае назначения Покровского на пост командующего Куб. войсками, выйти в отставку, и осмелился назначить Покровского командующим вооруженными силами Кубани. За назначение Покровского высказался председатель Добровольческой армии, генерал Эрдели, находя, „что при данных обстоятельствах назначение Покровского может дать благоприятные результаты“ (там же). В тот же день военный министр Успенский подал рапорт об увольнении его от службы. Начальником штаба при Покровском остался полковник В. Г. Науменко.

Почему же Атаман Филимонов поспешил назначить Покровского на такой высокий и чрезвычайно ответственный пост? Какие такие „благоприятные результаты“ могло дать это назначение?

В Екатеринодаре были получены сведения, что добровольческий отряд оставил Ростов и направляется на Кубань. Для русских людей было весьма важно иметь своего человека во главе войск Кубанского Края. В это время обстановка на Кубани складывалась не в пользу белого русского дела.

„Вновь избранная (паритетная) Законодательная Рада открыла свою сессию 8-го января и с первого же дня приступила к кипучей творческой работе, результатом которой явилось принятие целого ряда законов, разработанных Правительством и комиссиями Рады. Важнейшими из этих законов явились: провозглашение Кубани самостоятельным государственным образованием — республикой, закон о созыве Кубанского Учредительного Собрания, основные законы Кубанского Края, о 8 часовом рабочем дне, закон о правительственном контроле над промышленностью, закон об увеличении жалования народным учителям и др. Необходимо отметить, что декларация Кубанского Краевого Правительства (паритетного), единогласно принятая и одобренная Законодательной Радой 28 января, содержала в себе всесторонне разработанную программу решения важнейших политических и экономических вопросов жизни Края“... (Кубанец: От Екатеринодара до Мечетинской. Ростов н/Д. 1918).

Казачество постепенно стало пробуждаться, понимать создавшуюся обстановку и браться за оружие... Уже билась казаки с большевиками под Энемом и Афипской, под Славянской и Полтавской, под Армавиром... Уже Бардиж поднял несколько тысяч казаков Черноморью... В Баталпашинской, в Уманской, в Незамаевской, в Прочнокопской казаки, под руководством своих атаманов и офицеров, не допускали захвата власти большевиками... На 11 февраля собран Съезд представителей всех станиц Ейского отдела, а на 15 февраля в станице Брюховецкой созвана Черноморская Рада...

Все, кто организовывал тогда борьбу, верили в успех (в противном случае преступно было бы поднимать народное движение...). Между прочим, в то время весьма и весьма многие верили в скорое падение большевистской власти, ибо не понимали или не хотели понимать того, что эта власть выросла органически из прошлого России, что эта власть для великороссов является своей в известный период их истории... А что бы делали русские люди, пришедшие в Казачьи Земли собирать силы для воссоздания великой, неделимой русской монархии, что бы они делали, в случае успеха народных движений в Казачьих Землях?

Они принуждены были бы распылиться среди населения новых республик. Они могли бы также отправиться за границы Казачьих республик, в Великороссию, и поискать себе сторонников среди родных по крови и духу русских людей и померяться силами там с большевиками. Но русские люди, составлявшие Совет при Добровольческой Армии, и русские генералы, все эти

Милюковы, Струве, Феодоры, Трубецкие, Деникины, Алексеевы хорошо знали своих русских братьев и потому не имели надежды на успех среди них. Русские патриоты пришли собирать вооруженные силы среди казаков, пришли взять казачью доблесть под свое командование и этой силой, умноженной за счет русских патриотов-антибольшевиков, завоевать свой русский народ, крепко взять в свои руки власть над ним и тогда уже расправиться и с сепаратистами-казаками... Свой успех русские люди думали строить: 1. на отсутствии национального самосознания у нерусских народов и 2. на работе изменников и предателей среди этих народов...

Не только бывший начальник штаба и Верховный Главнокомандующий вооруженных сил России генерал Алексеев и другие генералы, но и рядовые, штатские русские люди прекрасно знали, что казаки во время войны 1914—1917 г.г. выставили на фронт более 200 тысяч вооруженных людей, что только три Войска — Донское, Кубанское и Терское — могли дать более 150 тысяч бойцов. Строители России никогда не были фантазерами. Не были таковыми и те, что собирали вооруженные силы в Добр Армию на Дону. Они поставили своей целью захват в свои руки казачьего народного вооруженного освободительного движения и твердо шли к своей цели.

Кубанское Правительство категорически отказало генералам в наборе добровольцев на Кубани. Тогда русские люди решили обходным движением обойти это запрещение: Проводником их желаний на Кубани явился Филимонов.

На 15-ое февраля была собрана Черноморская Рада, а 14-го февраля Филимонов назначил капитана Покровского на пост командующего Кубанской армией. А перед этим генерал Белоусов (сторонник Добр. армии) был назначен начальником снабжения армии, а немного позже еще один агент Добр. армии, полк. Туненберг, был назначен командиром Куб. стр. полка.

Напрасно представители населения Кубани, собираясь в Раде, выработывали законы, долженствующие закрепить самостоятельность Кубани; напрасно Рада отражала нападения Долгополовых, Турутинских, Моревых, не желавших освобождения Кубани от русского владычества; напрасно казаки и иногородние так долго говорили и спорили о том, кто имеет права гражданства в Кубанской Республике; напрасно Законодательная Рада 28 января единогласно одобрила декларацию Кубанского Краевого Правительства, формально провозгласившую существование Кубанской Народной Республики... Одним ловким закулисным маневром выборный Кубанский Атаман Филимонов передал вооруженные силы Кубани в руки первого единомышленника группы русских генералов...

Каковы были последствия этого назначения? Ближайшим последствием этого безусловно преступного шага Филимонова было то, что 16 февраля „покровцы пропали Выселки“, лежащие в 40 верстах от Тихорецкой на железной дороге Тихорецкая-Екатеринодар. Здесь были сосредоточены главные кубанские силы, защищавшие Екатеринодар со стороны наступающих большевиков. Приняв командование Кубанской Армией, Покровский переехал в Екатеринодар и большую часть времени проводил во дворце Куб. Атамана... Начальником кубанского отряда под Выселками был назначен агент Добрармии, полковник Ребдев. Ближайший сотрудник Покровского и его единомышленник, В. Леонтович, так определяет причины катастрофического и рокового поражения:

„Легкость взгляда на противника, отсутствие расприядительности и бдительности, вино, широко лившееся в штабных вагонах, — все это было причиной того катастрофического отката от Выселок, который явился следствием ночного нападения большевиков. Выселки были началом конца. Эта первая крупная неудача окончательно изменила настроение казаков, подорвала дух добровольцев и веру их в свои силы. По Екатеринодару поползли зловещие слухи: Выселки — пропиты, сданы без боя. Громко назывались имена виновников и порождали злобу и тревогу среди

обывателей. Тыл панически волновался. (Вл. Леонтович: Первые бои на Кубани. Мюнхен, 1923).

О причине катастрофы под Выселками генерал Филимонов говорит следующее:

„Генерал Корнилов, идущий с Дона на соединение с кубанцами, через две недели после этого занял выселки и впоследствии, 17 марта в ст. Новодмитриевской говорили мне (Филимонову), что казаки станицы Выселки рассказывали ему о том, как „Покровцы пропали Выселки“ (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова).

Далее Филимонов, уже после смерти Покровского, публикует за границей:

„При всяких нормальных условиях военных действий, Покровский, как командующий армией, за дело под Выселками подлежал бы ответственности“. (Там же).

Как мы уже говорили выше, сообщение о катастрофе под Выселками было получено в Брюховецкой на заседании Черноморской Рады в ночь с 16 на 17 февраля, именно в тот момент, когда казаки Черноморцы должны были приступить к осуществлению плана ликвидации большевицкого фронта именно под Выселками.

Поспешное наступление большевиков со стороны Тихорецкой к Екатеринодару внесло колоссальную путаницу во все операции по защите Екатеринодара. Дело в том, что появление чужого, неопытного, молодого человека во главе Кубанских войск внесло полное моральное разложение в казачью среду вообще. Ни рядовое казачество ни, тем более, кубанское офицерство не могло верить и действительно не верило тому, чтобы Покровский мог провести организацию защиты Екатеринодара, мог воодушевить казаков и быть во главе народного движения.

Появление капитана летчика Покровского во главе Кубанской армии у многих, не только рядовых, но и выдающихся организаторов казачества, убило веру в кубанский правительственный центр. Сам Филимонов пишет, что весьма популярный на Кубани организатор вольно-казачьего движения К. Л. Бардиж, как и многие другие, „считал и назначение Покровского командующим армией гибелью Кубани“. Не желая вести борьбу с Атаманом из-за его злого дела, не желая открыто вступать в борьбу с кубанским правительственным центром, многие кубанцы начали отходить в сторону от правительственных войск, от организационного центра. Так сделал, прежде всего, военный министр полковник Успенский, уйдя с поста военного министра, так сделал К. Л. Бардиж, уйдя в горы со своими сыновьями; так поступили полковник Маркозов, Бурсак и многие другие... Потом от правительственных войск откололся целый конный отряд полковника Кузнецова и тоже ушел в горы... Не признавали Покровского полковник Улагай, полковник Демьяник, полковник Бабиев и другие (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова). Доверие к кубанскому правительственному центру было подорвано, все начинания, связанные с созывом Черноморской Рады и с мобилизацией казаков, были разрушены.

Через 14 дней после назначения Покровского на пост командующего Куб. армией, Кубанская Законодательная Рада, Куб. Правительство и Атаман с отрядом в 3000 человек ушли из Екатеринодара. Сама эвакуация была для населения неожиданной, была неожиданностью и для многих бойцов; целый отряд на Пашковском направлении был оставлен и сам потом пробивался за Кубань. Вследствие всего этого много людей, которые остались в Екатеринодаре, не могли присоединиться к отряду и увеличить его боевое значение.

Центр политической, хозяйственной и культурной жизни Края был поспешно передан большевикам, которые сами не ожидали, что на их долю выпадет такое счастье — занятие без боя столицы Кубани. Это видно из всех их описаний обстоятельств, при которых они заняли Екатеринодар. Для них просто неожиданным был приезд на раз'езд Лорис 1-го марта делегации городской думы города Екатеринодара с сообщением об очищении Екатеринодара кубанскими войсками и о подчинении столицы Кубани советской власти.

Факт оставления Екатеринодара правительственными войсками поднял настроение большевиков и убил морально их противников. Моральное значение этого факта не было бы так ужасным, если бы перед этим противниками большевиков не велось такой усиленной агитации по станицам, агитации, указывавшей на слабость большевиков и на большие противобольшевицкие силы, группирующиеся вокруг кубанского правительственного центра, если бы не было с'езда Ейского отдела, Черноморской Рады и т. д. Через две недели после этого понеслась по станицам, селам и аулам Кубани трагическая весть о сдаче Екатеринодара большевикам без боя... Отряды, собранные в станицах усилениями атаманов и местного офицества, были распущены или принуждены были присоединиться к другому центру борьбы — Добровольческой Армии, двигающейся в это время через Незамаевскую, Леушковскую и т. д. к Екатеринодару...

И судьбе угодно было подстроить все события так, что на том самом месте, под Выселками и Кореновской, где 16 февраля „покровцы проигли“ сражение, генерал Корнилов разбил 10 тысяч красноармейцев с бронепоездами и большим количеством артиллерии“ (Деникин, т. II, стр. 244-248). Этот факт показывал ясно, что большевиков можно было бить.

Разбирая события с русской точки зрения и с точки зрения своих личных интересов, желая скрыть от современников и от будущих поколений свою безусловно предательскую, мерзко преступную роль на Кубани, генерал Филимонов сам теперь, уже за границей, пишет:

„Удержаться в Екатеринодаре до соединения с Корниловым означало не только спасение Кубани, но и полную ликвидацию неорганизованных и необъединенных еще тогда банд большевиков. Прибытие в Екатеринодар Корнилова было бы сигналом к присоединению к Кубанской Армии всех казаков, которые до того заняли выжидательную позицию. А самое главное это то, что кубанское правительство сохранило бы свой авторитет полностью“ (Белое Дело, т. II, статья Филимонова).

Появление летчика Покровского во главе вооруженных сил Кубани привело не только к отходу от кубанского правительственного центра целого ряда военных и гражданских организаторов защиты Кубани, привело не только к тому, что главное направление наступления большевиков на Екатеринодар, Тихорецкое, было просто пропито, что и вызвало скорую эвакуацию Екатеринодара, екатеринодарский большевицкий террор, вызвало не только уверенность большевиков в своих силах, но и окончательно подорвало воинский дух и, даже, боеспособность частей, вышедших с Кубанским Правительством и Радой в поход.

Наше желание при описании трагедии Казачества быть максимально объективными заставляет нас при описании предательской роли изменников и врагов Казачества прибегать к цитированию слов самих гробокопателей Казачества.

Относительно положения в кубанском отряде после оставления Екатеринодара Филимонов говорит следующее:

„В Шенджие (первая остановка отряда по выходе из Екатеринодара) обнаружилась печальная картина — отсутствия единодушия среди начальников частей и острых раздоров между ними. Выяснилось, что Покровский популярен лишь среди чинов своего партизанского отряда. Начальники же почти всех остальных частей в него не верили и не признавали его авторитета. Полковник Улагай и капитан Раевский открыто заявили об этом на совещании. К ним присоединились два других, более видных кубанских офицера: голковник ген. штаба Кузнецов и георгиевский кавалер Демяник...

... Авангард, высланный (из станицы Пензенской) вперед для занятия станицы Саратовской, задачи не выполнил, а наткнувшись на сопротивление большевиков, отошел назад, не проявив никакой устойчивости. В отряде чувствовались

признаки деморализации. Военно-следственная комиссия, назначенная Покровским для расследования обнаруженной агитации в частях против него, произвела аресты; говорили о предстоящих расстрелах офицеров отряда, упоминалось имя полковника Улагая. Встревоженные поведением Покровского члены Рады просили меня (Филимонова) не допустить расправы Покровского с его личными врагами, во избежание полного развала армии“... (Там же).

Кубанский правительственный отряд не мог пробиться у станицы Саратовской, далее он возвращается с юга к Екатеринодару, получив сведения о наступлении Корнилова с севера на Екатеринодар... Когда стало известно, что Корнилова под Екатеринодаром нет, Кубанский отряд направился к переправе через реку Псекупс у аула Вочепший. У переправы находилась малочисленная большевицкая застава с пулеметами. Эту переправу за целый день не могли взять войска, руководимые командующим Покровским и начальником штаба полковником генерального штаба В. Г. Науменком... Вечером Покровский созвал военный совет на квартире представителя Добровольческой Армии, генерала Эрдели, и доложил, „что овладение переправой потребует больших жертв, что в случае успеха при дальнейшем движении, мы должны будем выдержать бой у (станция) Бакинской, за исход которого он не ручается; что настроение войск подавленное“... и т. д. Далее Филимонов пишет:

„С тяжелым чувством расходились мы из сакли, занимаемой генералом Эрдели, служившей местом совета, и хозяин которой, самый сильный военный авторитет, тоже советовал нам уходить в горы. Но и этот бесславный отход уже не был безопасен... Решено было двигаться глубокой ночью, обозы сократить до минимума, соблюдать гробовую тишину... бросались повозки... лишняя одежда...

Ночь на 11-е марта была поистине кошмарной... Ко мне поминутно подходили и под'езжали старые почтенные офицеры и генералы и спрашивали: „Что происходит? Куда мы идем?“

Всюду на меня смотрели недоумевающие глаза“... (Там же).

Такими словами описывает Филимонов трагедию Кубанского освободительного движения, возглавляемого выборным Кубанским Войсковым Атаманом.

Кубанский отряд, как затравленный зверь, уже десять дней беспомощно метался на небольшой площади, между Екатеринодаром и ст. Пензенской, между рекой Пшехой и ст. Калужской. А, ведь, в этом отряде было: пехоты 2.500 чел., конницы 800 чел., артиллерии 12 орудий, пулеметов 24. Во всех родах войск большинство — офицеры (Там же).

Против этого отряда были разрозненные, неорганизованные силы, преимущественно местных, закубанских большевиков. Весьма характерным для настроения большевиков было, скажем, то обстоятельство, что в ту же ночь (на 11-ое марта), когда по предложению командующего Кубанским отрядом, полковника Покровского и его начальника штаба, полковника В. Г. Науменко, кубанские войска отступали от переправы у Вочепшия, в эту же самую ночь большевицкая застава тоже снялась и ушла от переправы в другую сторону, на восток, к станице Бакинской, оставив переправу совершенно свободной...

В это самое время блуждания кубанцев за Кубанью „под мудрым и доблестным“ руководством Атамана Филимонова и назначенных им командующего армией полковника Покровского и нач. штаба полк. Науменко, почти такой же численности отряд под руководством Корнилова прошел с боями всю Черноморию, разгромил 10-ти тысячный отряд большевиков под Выселками-Кореновской, взял 6-го марта переправу через Кубань у Усть-Лабинской, переправил свой большой обоз с 500 раненых и больных через многоводную Кубань, потом переправился через реку Лабу у Некрасовской, 10 марта разгромил значительные силы большевиков у Филипповского, переправился через большую реку

Белую и шел на запад на соединение с кубанцами. 10-го марта Корнилов был уже в ст. Рязанской, верстах в 20-25 к востоку от Кубанских войск. 11 марта корниловский раз'езд прибыл в Гатлукай, где 10 марта находились кубанцы, и, не найдя здесь кубанцев, раз'езд донес Корнилову, что кубанцы бросили имущество и бежали в горы.

Почему же Корнилов мог громить большевиков, мог переходить такие большие реки, как Кубань, Лаба, Белая и т. д., а в это же время почти такой же силы (в действительности большой) кубанский отряд так был деморализован, что не мог взять простой переправы через реку Псекупс?

Почему к отряду Корнилова присоединилось 140 казаков ст. Незамаевской, более 500 казаков ст. Брюховецкой и т. д., а в это же время от кубанского отряда ушел казачий конный отряд под командой полковника Кузнецова, а Покровский собирался расстреливать, вне всякого сомнения, доблестных и, в военном смысле, более его образованных кубанских офицеров? Почему ушел Бардиж, генерального штаба полковник Лисевичский, который организовывал в январе-феврале месяцах стряд партизан и успешно, до сдачи Покровским Выселок, защищал от наступающих большевиков Кавказское направление (по железной дороге Екатеринодар-Кавказская)?!

Почему на Филимонова „всюду смотрели недоумевающие глаза“?

Всю вину за полное расстройство и деморализацию кубанских вооруженных сил в первый период борьбы, за успешное и преждевременное оставление Екатеринодара несет руководитель вооруженных сил Кубани — бывший Кубанский Войсковой Атаман Филимонов.

Филимонов никогда не имел сколько-нибудь ясной программы государственного строительства Кубани.

Юрист по образованию, он не исполнил принятых на себя, под торжественной присягой, обязательств блюсти законы Кубани, принятые Радой. Он умел хорошо, даже красиво и с подъемом говорить, но речь его была полна демагогии... Человек безвольный, бесхарактерный, ради своей личной выгоды и мелкого тщеславия, заискивающий перед всеми сильными мира сего... Принимая власть от населения Кубани, он предавал это население, выполняя закулисные веления русских генералов. Клялся служить Кубани, но служил Алексееву, а позже Деникину. Присягал, что организует Кубанскую Армию, но в своей практической деятельности сознательно запутывал военные силы Кубани в сети русской контр-революции и, вместе с другими предателями и изменниками Кубани, много подло и долго поработал над тем, чтобы в решительный момент, по существу, оставить Кубань беззащитной...

В описываемый страшный период начала вооруженной борьбы с большевиками Филимонов не вывел ни разумного руководства, ни твердой воли, ни умения подобрать офицерский состав армии и воодушевить казаков. Слепо, покорно и беспрекословно исполняя закулисные веления русских генералов — „подготовить включение кубанского отряда в добровольческую армию“, — Филимонов назначением чужого для Кубани летчика Покровского на пост командующего Кубанскими войсками предавал кубанское освободительное движение.

Сам Филимонов видел прекрасно, что „девять десятых всего отряда проклинали меня (Филимонова) за несчастную мысль вручить судьбу отряда молодому, неопытному Покровскому. Я сам искренно считал себя преступником... (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова).

Так оценивает свою деятельность на Кубани генерал Филимонов в первый период борьбы. Он не ошибается: объективная, беспристрастная история Кубани безусловно назовет преступником первого выборного Кубанского Атамана. С этим нелицеприятным приговором истории сойдет генерал Филимонов и в могилу.

Само собою разумеется, что Филимонов не был одинок в своей предательской работе. Ведь, в то время, когда против назначения претестовал военный министр Кубани, полковник Успенский, когда старый казак, Кондрат Бардиж, это назначение называл гибелью

Кубани; когда целый ряд доблестных кубанских офицеров протестовали против пребывания Покровского на посту командующего кубанскими войсками, — находились люди, которые добровольно поддерживали Филимонова-Покровского, занимая при последнем высокие посты. Среди этих людей выдающуюся роль играл начальник штаба у Покровского, полковник В. Г. Науменко. Чтобы по существу оценить роль этих людей в то время, надо помнить, что они, нарушая споконвечную солидарность казачьего офицерства, помогали Покровскому арестовывать честных кубанских офицеров в ст. Пензенской и в ст. Калужской. Предавали своих, лишь бы служить агенту группы русских генералов, взявшихся представлять собою Россию. Протестанты под угрозой расстрелов со стороны Покровского уходили в горы, там их ловили большевики и убивали беспощадно...

Самым тяжелым днем для Кубанского правительства отряда был 11 марта 1918 года, когда он принужден был выдержать весьма серьезный бой с большевиками. Даже члены Кубанского Правительства и Рады приняли тогда участие в бою.

А что делал в это время командующий отрядом, полковник Покровский, против воли боевых, заслуженных старших кубанских начальников назначенный Филимоновым на эту ответственную должность?

Сам Филимонов дает такой ответ на поставленный вопрос:

„Покровский передал руководство боем полковнику Туненбергу, а сам расположился в шалаше и проспал все время, пока шел бой... Я пошел к Эрдели и спросил его, что он думает обо всем этом и как он объясняет поведение Покровского. Не без смущения Эрдели сказал мне, что Покровский, в случае неудачи, намерен с небольшой группой, человек в 16, пробиться в горы и что для этого у него уже готов проводник, знающий тайные тропы. Эрдели советовал мне держаться ближе к его конвою, чтобы в нужный момент присоединиться к группе Покровского“ (Там же).

Какими словами можно охарактеризовать подлую, предательскую роль на Кубани этих агентов Добровольческой армии? Воспользовавшись тем, что несчастным обстоятельством на посту Кубанского Атамана оказался их сторонник, они захватили в свои руки руководство кубанскими вооруженными силами, они их расстроили и дезорганизовали, и в самый тяжелый момент для кубанского отряда, один из них, пьяный, спит в шалаше, заранее подготовив предательский побег в горы, а другой приглашает к этому побегу и своего сообщника из кубанцев, Атамана Филимонова...

Что делает после этого выборный Атаман — совесть, честь и достоинство Войска?

Что он делает с явным предателем в момент, роковой для кубанского отряда? Ведь в отряде было собрано много и людей беззащитных, доверивших свою судьбу Кубанскому Атаману — старых офицеров и стариков вообще. Разве не ясно для всякого, что за такое поведение в боевой обстановке командующий войсками подлежал немедленному, моментальному увольнению с занимаемой должности и преданию военно-полевому суду!

Глава всех вооруженных сил Кубани, Атаман Филимонов, предоставил Покровскому возможность спокойно спать далее. Когда Кубанский отряд выиграл бой и большевики бежали, Атаман Филимонов пошел к Покровскому, чтобы именем Кубани поблагодарить его за доблестное вышеописанное поведение во время боя, чтобы поблагодарить его, очевидно, и за то, что при подготовляемом побеге предателей из отряда не забыли и о Филимонове. Что факт благодарности имел место, об этом повествует сам Филимонов в той же статье „Кубанцы“ следующим образом:

„Я пошел разыскивать Покровского, который после боя вышел из шалаша и пошел вперед. Я нагнал его на месте, где только что были цепи бежавших большевиков. Поздравление мое он принял холодно... На вопрос, что он думает о приближении Корниловского раз'езда, сделал непроницаемое лицо“.